

И. И. Ясинский

[В. М. Гаршин](http://dugward.ru/library/garshin/yasinskiy_garshin.html)

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/garshin/yasinskiy_garshin.html

После душевной болезни, которой страдал Гаршин и которая дала ему страшную и вместе завидную возможность создать "Красный цветок", произведение, которое, на мой взгляд, превосходит своей чарующей фантастикой всех Гофманов и Эдгаров По и во всяком случае полно глубокого смысла, до которого не могли подняться те гениальные писатели, он зажил одно время, то нуждаясь, то пользуясь некоторым материальным благополучием, буржуазной жизнью. За ним ухаживала жена, его посещали солидные представители литературного и профессорского мира, его приглашали литературные салоны, избрали его в Комитет литературного фонда, служил он где-то бухгалтером, и мне не понравилось однажды при встрече с ним, что он как-то странно пополнил, слегка пожелтел и обрюзг. То же самое бросилось в глаза и Евгению Утину.

Спустя месяц после этой встречи моей с Гаршиным у мирового судьи разбиралось дело. Гаршин был привлечен к ответственности полицией за нарушение тишины и порядка в общественном месте. Была поймана молодая девушка на улице, которую нужда заставила торговать собою, а стыд не позволил пойти в участок показаться предержащим властям и получить казенный желтый билет. Гаршин проходил мимо, когда агенты полицейской морали тащили начинающую проститутку и поощряли ее к непротивлению затрещинами. Она кричала, он сам стал кричать, протестовать, собрал толпу; девочка, воспользовавшись замешательством, убежала. Судья приговорил его к трем рублям штрафа.

Гаршин, перед тем очень редко появлявшийся в николаевских меблирашках, стал посещать мои вечера, причем его обыкновенно сопровождал Бибиков. В лице Гаршина я заметил новую перемену: щеки его горели, обрюзглость стала спадать и превратилась в худобу, в глазах стало выступать страдание, выдавливаясь какое-то глубокое, тоскливое чувство, я бы сказал, потустороннее.

Перед этим Гаршин увлекался историческим сюжетом; ему хотелось написать роман, героем которого была бы сильная личность:

- И, конечно, такой личностью может быть только Петр Великий. Я хотел бы, чтобы Петр Великий удался мне не только как гений, но и как русская душа, со всеми ее огромными достоинствами и такими же колоссальными слабостями.

Когда я был у него, он вынимал из письменного стола черновые листы и, указывая на них, выражал желание когда-нибудь прочесть мне первые главы.

Бывало, Гаршин явится ко мне на огонек, станет спиной к горячей печке и долго молчит. Только сверкают его черно-алмазные глаза, под взглядом которых становилось иногда жутко. Что-то гораздо более сильное и напряженно ищущее выхода, чем та пальма, которая в его рассказе проламывает стеклянную крышу в оранжерее, томилось и рвалось в даль, в беспредельность не находящей удовлетворения мысли из этих тоскующих глаз.

Зашел ко мне однажды тоже на огонек артист Далматов и стал наблюдать Гаршина.

- Что вы так на меня уставились? - спросил Гаршин.

- Вы удивительно похожи сейчас на того царевича, которого я видел на днях в мастерской Репина. Настоящий убитый Грозным царевич.

Гаршин ничего не сказал, как-то еще больше осунулся, вяло подал руку и исчез с Бибиковым, который скоро вернулся.

- Я довел Всеволода, - начал он, - до квартиры. Он в удрученном состоянии. Последнее время мы сблизилась с ним; ведь я знаю, что такое быть душевнобольным; и он мне сочувствует, и я ему. У нас с ним бывают особенные беседы, мы понимаем друг друга с полуслова. Посмотрите, какие у меня глаза: точь-в-точь, как у Гаршина!

Бибиков подошел к зеркалу и стал таращить свои глаза. Правда, они были у него тоже красивые и большие, но в них бегал хитрый огонек, а хитрости не было у Гаршина ни искры. У него было выражение, какое мистик мог бы себе представить в глазах у печального ангела.

Мы немножко посмеялись над Бибиковым, но Гаршин внушал нам немалое беспокойство.

Почти целую неделю ежедневно приходил Гаршин, становился все в той же позе у печки и молчал, как будто что-то собираясь сказать чрезвычайно важное, но что не укладывалось в речь и не находило слов.

Заговаривали с Гаршиным, шутили. Владимир Тихонов врал о том, как он воевал в Азии с турками и брал Ардаган, как грузинские княжны плакали, когда он был смертельно ранен, и как его спасла только